

АЛЕКСАНДР ТАМАНЯН И АНТОНИО ГАУДИ. ПАРАЛЛЕЛИ

В начале XX века в двух совершенно разных точках мира независимо друг от друга творили два великих архитектора, влияние их творческого гения на национальное самосознание крайне велико, просто неоценимо. В то же время их вклад в осмысление динамики искусства XX века похож и многозначен. И это при всей внешней непохожести ни в творчестве, ни в жизненных ситуациях, ни в судьбе. Однако они похожи как выразители чаяний собственных народов, а также их поиска и защиты потерянных государственных образований, что говорит о переосмыслении культурного наследия Армении и Каталонии. Судьбы этих двух гениев, их поиск новых архитектурных форм внутри исторической памяти, в том числе древнейшей и расчлененной родины крайне похожи. Они как будто далеки от национальной борьбы, но оказывается, что их творчество делает их донорами, дающими своему народу надежду и на политическую свободу. Каждый из них поднял художественный престиж своего народа в глазах мирового сообщества. Ведь несколько столетий эти народы были выпавшими из истории. А.Гауди и А.Таманян своим творчеством вошли в контекст мировой культуры и спасли для человечества, в его кризисный период, надежду на новые пути развития искусства зодчества. Это был уникальный путь синтеза. Два христианских народа, их культуры, расположенные, как маргиналы, на противоположных точках большой европейской и христианской культуры, открывают новые пути в разрушающемся-созидающемся мировом архитектурном поиске.

Интерес к армянской архитектуре с конца XIX века был очень высок. А раскопки русского академика Н.Марра в средневековой столице Армении Ани, как и исследования, начатые выдающимся знатоком армянского зодчества Т.Тораманяном, заложили твердый фундамент в зна-

чение армянской архитектуры в контекст мировой культуры. К ним ещё можно добавить Йозефа Стрижиговского, выдающегося исследователя древних цивилизаций, директора Венского института искусств, который в 1913г. совершил вместе со своими сотрудниками и армянским исследователем Т.Тораманяном научную экспедицию по исторической Армении. В своём двухтомном исследовании, изданном в 1918г. в Вене, он приходит к принципиальным выводам о том, что Армении принадлежит главная роль в происхождении и развитии христианской архитектуры. Заслуга армянской архитектуры перед европейской и мировой не только в художественных достоинствах, но прежде всего в важных технологических открытиях, в частности, в создании арки и бетона.

Армянский и каталонский народы с восемнадцатого века активно борются за независимость, желая восстановить национальные государства. Остроту самосознания этих народов усилила Французская революция. Антонио Гауди родился в 1852г., в 1878г. родился армянский архитектор Александр Таманян. Гауди на четверть века раньше начал свою творческую биографию. Эти архитекторы так и не дожили до окончания строительства своих важнейших шедевров.

Каркас архитектуры армянского периода Таманяна есть синтез архитектурных достижений урартийского периода, периода эллинов, междуручья и средневековой армянской церковной архитектуры. С этими важными составляющими проявляются архитектурные элементы и идеи древних египтян, парфян, греков, римлян, а также романского стиля, особенно итальянского Ренессанса, вплоть до конструктивизма, который армянский архитектор не выносил. Вся эта сложная смесь в виде идей, конструкций и объемов, элементов и цитат функционального и художественно выразительного свойства вступила в пространство Араратской долины – Армянской долины. Здесь, как известно, крайне трудно создать нечто равное красоте библейской горы и библейской долины. Таманян и Гауди преобразовывали ландшафт своей родины, взяв на вооружение энергию национального самосознания и самооценки.

Гауди вдохновлен поиском новых архитектурных идей, он находит декоративные, скульптурные идеи и решения в разных частях в столетии-

ях Европы, особенно вдохновлен готикой итальянской и немецкой, современной архитектурой Франции (бывал в Париже), которая раскрепощала и созидала форму. Мастер одним из первых почувствовал свою национальную идентичность и это в период важнейших этнических сдвигов в мировой культуре. Это был исключительный исторический шанс. Он вдохновлен этим шансом, а потом и самим европейским модерном, во главе которого он встал. В его синтез вошли метафоры и парадоксы мавританской культуры. И все это стало свободной импровизацией его стиля. Есть ассоциации и с Ван Гогом, с его знаменитыми картинами арльского периода, где изображены космос, звездное небо.

Как эти два архитектора достигают такой гармонической слаженности архитектурных образов в строительной технологии с математически выверенным стилем?

Мне кажется, что мы имеем дело с двумя непохожими творческими воображениями в области архитектуры. Один играет самозабвенно, как ребенок, создавая песочные шпили, близкие, то ли готике, то ли снам экзотических растений. То он выворачивает наизнанку дворцовые перспективы колоннад мавританского стиля... Гауди созидает в регистре таинственного народного праздника, где есть порядок и фантазия одновременно. Армянский архитектор погружается в глубокую древность, в язычество, как сдержанный рыцарь, и сон его не импульсивный, как у каталонца, а доверительный. Таманяна выводит из этого состояния в реальность его мужественная творческая воля – так сосредоточенный солнечный луч растворяет предутреннюю тьму в горах Армении. И если у Гауди созданное им чудо очевидно, чудо Таманяна надо понимать, вникая. Такова архитектурная традиция армян. К примеру, лишь войдя в скальную церковь Гегард, понимаешь, что создала рука и душа нации. Армянин и Каталонец в своем самосознании осваивали пространство Свободной Родины. Важнейшее именно тут, именно в национальной гордости находят стимул поиска своих архитектурных форм.

Да, крайне трудно дается пониманию творчество А.Таманяна. Что перед тобой – рожден архитектурный стиль, которого никогда не было, или когда-то существовавшая реальность? А может, эклектика или смелый син-

тез? Как эклектику мог не заметить целый народ, имеющий блистательный опыт средневековой церковной архитектуры? Значит, этот вопрос остается открытым. Александр Таманян создал то, чего не было, архитектурный стиль, которого, повторюсь, никогда не было, но в который бесконечно верит целый народ, а за ним и все человечество. И это не массовый гипноз, а нечто совершенно иное – каждый армянин именно таким видит свое светское в далеком прошлом зодчество, монументальное, сдержанное, благородное. Таманяновская архитектура – это первые образцы высокого национального мышления, уходящие в глубь тысячелетий, в дохристианскую архитектуру, и в то же время это архитектура XX века. В немногословном, мужественном, глубоко продуманном архитектурном стиле Таманяна есть и величие власти, и трепет человеческой жизни. Еревану не хватает дворцовой архитектуры, а не высотных зданий. Его творчество тысячами нитей связано с высоким статусом Армении как государства, каким она была при Тигране Великом или Артавазде II. Это удивительное совмещение национального и индивидуального восприятия себя и своей истории через самый прочный вектор – архитектуру. В этом и весь фокус!

А.Гауди стремится в небо, вибрируя воздухом сказок и молитв (здесь тонкая и прочная связь с итальянской готикой), А.Таманян – основательно стоит на каменистой земле райской долины. У одного где-то рядом стихия моря, у другого – замерзшее озеро, брошенное Горой на пять километров в небеса...

С середины XIX века многие народы, особенно поработенные, уделяли собственной культуре особое внимание, я бы сказал, испытывали горячий творческий интерес. Создавалось впечатление, что такие народы всецело осознают, что наступило время видеть себя в контексте наступающих цивилизационных и культурных изменений. Это было время разрушений-созиданий. Творческий дух этих народов, как и других, скажем, финского или ирландского народов, испытывал необычайно высокий творческий подъем. В период индустриализации и обезличивания народные эпос, сказка, песня, танец, театр, национальная одежда, украшения неожиданно приобретают новый важный смысл. В качестве примера – финский эпос «Калевала», музыка Сибелиуса или архитекторы

Сааринен и Аалто... Мир конца XIX века позволил многим народам занять достойное место в контексте новых реалий мировой культуры. Каталонский возрождающийся национальный дух открыл художественное воображение Гауди, утверждая на этой земле архитектурные формы его детства. Позднее за Гауди пошли другие великие каталонцы, особо отмечу по духу близкого Гауди Жоана Миро... Так было и с Таманяном, который, за Мартиросом Сарьяном, открыл Армению сказочную и аристократическую, рыцарскую, бессмертную...

Но почему для Ф.Л.Райта Гауди был пустой звук? Можно поставить вопрос и иначе: «Было в этом мире что-то из архитектуры, что нравилось бы Райту?» Конечно, было – работы учителя самого Райта Луис Салливана, который в свою очередь высоко ценил Гауди. Теперь пойми, что в искусстве, и, в частности, архитектуре объективно...

Кто видел здание Оперы и Площадь Республики со зданием Правительства, понимает, что тот, кто это придумал и осуществил, тот величайший из великих фантазеров – видящий в пространстве гармонию и в гармонии традицию поколений. Что стоит за Таманяном если не мера **гармонии**, что и есть бесконечность. Сколько бесконечностей таится в гармонии? Здание оперного театра вбирает многие составляющие ландшафта, соотношения роста, ритма армянина, общества, строящегося города, его органические составляющие – площади, как развязки проезжей части, сама наполненность проезжей части, обрамляющая и составляющая зону отдыха с ее парковыми скульптурами... То есть оперный театр как доминанта многих составляющих молодой и развивающейся столицы были учтены А.Таманяном. Это уже больше, чем творческий поиск новых форм в архитектуре – это уже выявление генетического кода нации, ее важнейшей части центра власти. Таманян дворцовый стиль представляет в двух своих шедеврах – здание Дома Правительства и здание Оперного театра. Именно этот системный поиск сделал Таманяна таким цельным и узнаваемым. С другой стороны, общие черты выявления нового стиля делают архитектурные находки не случайными в его творческом поиске.

То же можно сказать и о Гауди. На краю католического мира, наслаждаясь духом свободолюбием каталонского народа, что заставляет по-

иному оценивать творения мавританского гения, попадая на свободный художественный поиск европейского атеизма, верующий Гауди неожиданно вступает на стезю новатора архитектуры. Его церковная архитектура последний всплеск христианского искусства. Все остальные церковные сооружения, проектируемые XX веке по внутренней наполненности религиозным смыслом и ощущением, строго говоря, к культовым не относятся. Так над любым авангардным архитектурным сооружением первой половины XX века поставьте крест – это и будет современная новая церковная форма, ибо внешне они очень соответствуют. К примеру, к конструктивистским опытам домов культуры или, скажем, архитектуре школы Гропиуса, или некоторые сооружения того же Райта. Это напоминает свободолюбивый ирландский литературный дух Джеймса Джойса, а потом и Беккета, хотя и покинули родину после независимости Ирландии. Да и в содержании ирландцев немало общего с Гауди и Таманяном. О финском возрождающемся духе мы говорили выше. Все эти народы мужественно сражались за свободу, остро ощущая несправедливость порабощения и желая для своей ожидающей справедливости заветного мгновения. Строй свой дом – вот девиз, подтекст великих эпосов «Давида Сасунского» и «Калевалы». И они оттачивали свой взгляд на мир, благородно неся свою индивидуальность, свое отношение к собственной профессии. Для таких великих творцов не было ничего, кроме свободы творчества, кроме Неба и Горизонта. И Родины!

Обратите внимание, в каких сложных условиях творил Гауди. Как молодая поросль армянских конструктивистов воевала, раздражая Таманяна. Но они шли своим особым путем. Р.Кочара и М.Мазмания ждали лагеря. И только болезнь и ранняя смерть спасли Александра Таманяна от неминуемых сталинских репрессий. В то время как случайность стала причиной смерти Антони Гауди. И здесь остается загадкой, какими разочарованиями могла закончиться жизнь каталонца.

*Рубен Ангаладян
Январь – июнь, 2016г.
Ереван - Лос-Анджелес.*